

В. Е. Семенов

**«Corpus» Жан-Люка Нанси: экстремальный телесный опыт
как повод для экстремального дискурса**

В 1991 г. французский философ Жан-Люк Нанси в возрасте пятидесяти одного года перенес операцию по пересадке сердца. Через год после этой операции Нанси написал философскую работу под названием «Corpus». То, что философ написал работу о теле после того как удачно перенес столь ответственную операцию и в определенном смысле начал новую жизнь, понятно с точки зрения психологии, но показателен формат этого философского произведения. Эта работа представляет собой литературное произведение в содержательном плане весьма автономное от самого события по пересадке сердца. В этой работе практически нет ссылок и сносок на какие-то работы иных философов. Работа «Corpus» совершенно лишена того аппарата, который мы привыкли видеть в работах тех философов, которые стремятся к научности. Работа «Corpus» неслучайно лишена всего того аппарата, что предполагает научное исследование, так как литературное произведение наличия этого аппарата не предполагает. И тем не менее работа «Corpus» – это именно философия, но философия в определенном регистре. В работе «Corpus» проделан определенный опыт по трансформации философского дискурса, а точнее – выхода за пределы сложившегося философского дискурса.

Ключевые слова: дискурс, поэзия, регистр философии, формирование субъективности, гносеологический разрыв

Vadim E. Semenov

**«Corpus» by Jean-Luc Nancy: extreme bodily experience
as a reason for extreme discourse**

In 1991, the French philosopher Jean-Luc Nancy at the age of fifty-one years old underwent heart transplant surgery. One year after the operation Nancy wrote a philosophical work entitled «Corpus». What the philosopher wrote a paper on the body after successfully endured such a responsible operation and in a sense started a new life, it is understandable from the point of view of psychology, but it is indicative of the size of the philosophical works. This work is a literary work and in terms of content is very independent from the event itself a heart transplant. In this work, there are practically no references and footnotes to some of the other philosophers. Work «Corpus» completely devoids of the apparatus, which we used to see in the works of the philosophers who aspire to be scientific. Work «Corpus» is not by chance devoided of all that involves the scientific study, because a literary work, the presence of this device does not assume. And yet, the work of «Corpus» is philosophy, but philosophy in a particular case. In «Corpus» some experience in the transformation of philosophical discourse is done – or rather, is done beyond the existing philosophical discourse.

Keywords: discourse, poesis, register of philosophy, subjectivity formation, epistemological break

В 1991 г. французский философ, ученик Жака Деррида, Жан-Люк Нанси в возрасте пятидесяти одного года благополучно перенес операцию по пересадке сердца¹. Событие для самого французского философа более чем серьезное, но, вроде бы, мало значимое как повод для нового философского дискурса – таких операций сделано уже не мало. Хотя в случае с пересадкой сердца философу Нанси, был любопытный момент: ему пересадили (предположительно) сердце женщины². Однако и это вряд ли кого-то заинтересовало, разве что кого-то из радикальных феминисток, усмотревших бы в этом эпизоде еще один факт доказательства принципиального равенства, а то и превосходства женщины над мужчиной.

Сам Нанси отнесся к прошедшей операции по пересадке сердца по-философски професси-

онально: через год после этого написал философскую работу под названием «Corpus»³. Работа имела большой резонанс и во Франции, и в других странах⁴. Работу очень охотно читают и цитируют не только сторонники философии Жака Деррида (сам Нанси принадлежит к философам этого направления), но и представители иных школ и течений. Тот факт, что философ написал работу о теле после того как удачно перенес столь ответственную операцию и в определенном смысле начал новую жизнь, психологически понятно, но любопытно, **что** именно он написал в этой работе, каков формат этого философского произведения.

Первое, что бросается в глаза при прочтении этой работы, – практически полное игнорирование самого факта пересадки сердца. Это не отчет о своем опыте, каким бывают отчеты о

том или ином опыте выживания в экстремальных ситуациях. Эта работа представляет собой литературное произведение в содержательном плане весьма автономное от самого события по пересадке сердца. Конечно, пересадка сердца повлияла на мотив автора, но не более как внешний фактор, совпавший с иными сугубо философскими вещами. Любопытно, что он сам говорит в том же издании о своих переживаниях после операции, противопоставляя пересадку сердца пересадке мозга. Вот что он пишет уже в беседе с переводчицей этой работы Еленой Петровской:

Когда мне сделали операцию... я находился в особом климате распространенных представлений, общественного мнения, связанного с пересадкой сердца, и было много вопросов типа: что такое иметь внутри себя орган другого, ощущаешь ли в себе перемену – этот вопрос звучал постоянно, все его задавали. И даже врачи с психологической и психиатрической точки зрения были обеспокоены состоянием тех, кто перенес пересадку, – важно было проследить, чтобы у этих людей не возникло никаких навязчивых образов, никакой тревоги, нарушающих порядок их жизни, и т. п. Я ничего подобного вообще не испытал. Но ни один из этих больных, с которыми я был знаком (а я лежал в больнице, где их было довольно много, по крайней мере человек десять), никто, повторяю, не имел таких навязчивых идей. Пожалуй, был один, которого такого рода образы преследовали поначалу, – наверное потому, что все настолько необычно... Сейчас все уже не так, однако очень странно... что ничего не ощущаешь, потому что никак не отдаешь себе отчет в этом... А это означает, что действительно есть внешнее... Это отнюдь не дуализм, как, впрочем, и не монизм, по крайней мере в простом смысле слова, но это значит, что конституирование субъекта в его существовании означает самому быть за пределами себя, но быть реально, а не метафорически. Все органы, все мельчайшие кусочки моей плоти – мои... но можно также многое ликвидировать: и то, и это... Однако если отрезать вот это [показывает рукой на шею], то уже никого не останется. И точно так же невозможно сделать пересадку мозга (с. 237).

Итак, пересадка сердца с точки зрения *cogito* для Нанси ничего не значит, а пересадка головного мозга с его точки зрения невозможна.

Второй момент, более важный для разбора этого произведения Нанси, – сам формат работы. В ней практически нет ссылок и сносок на какие-то источники и работы иных философов.

Работа «*Corpus*» совершенно лишена того аппарата, который мы привыкли видеть в работах тех философов, которые стремятся к научности. Эта работа написана в жанре эссе, а данный жанр освобождает автора от ссылок и сносок на работы иных авторов. В то время как в академических текстах ссылки являются атрибутом и показателем профессиональной культуры автора. Отсутствие дословных цитат в эссе, в отличие от академично написанных работ, вещь вполне допустимая и неудивительная. Для сравнения укажем, что когда Мераб Мамардашвили никого не цитировал в работе «Классические и неклассические идеалы рациональности», то это было удивительно, так как его работа является исследовательской по интенции, и в этой работе есть претензия на академичность в позиции автора. Поэтому работа Мераба Мамардашвили была проблематична по отношению к жанру исследовательских работ, а вот работа Нанси жанру эссе вполне адекватна.

Вместе с тем нельзя сказать, что этот текст написан вне контекста к существующей философской традиции. Мы видим, что эта работа соотносится с определенной философской традицией, в ней есть дискуссия с пониманием телесности у другого французского философа Мориса Мерло-Понти (1908–1961), есть цитаты из работ Фрейда, но, повторяем, нет ссылок на эти работы. Вроде бы, это всего лишь формальная сторона дела, но она очень показательна и значима, так как перед нами презентация совсем иного формата философского текста: философского текста в формате литературного произведения. Работа «*Corpus*» неслучайно лишена всего того аппарата, что предполагает научное исследование, так как, во-первых, литературное произведение наличия этого аппарата не предполагает, а во-вторых, как точно заметил Валерий Подорога, философия имеет доступ к опыту свидетельств больше через литературу и искусство, чем через архив или документы истории⁵.

То, что философия Нанси близка к литературной деятельности, отмечалось в отечественной философии. Дмитрий Михель пишет: «Для Нанси, как и для многих французских философов конца XX в., философская практика сродни литературной деятельности. Но философия и литература не совпадают между собой. Общее для них – письмо, а различие в том, что философ через письмо пытается осмыслить пределы нашего человеческого опыта. Таким образом, для Нанси философия сводится к активной работе по созданию таких произведений, которые бы позволяли нашему сознанию получать наибольшую пищу для размышлений»⁶.

И тем не менее работа «Corpus» – это имен-но философия, но философия в определенном регистре. В данной работе проделан определен-ный опыт по трансформации философского дискурса, а точнее – выхода за пределы сложив-шегося философского дискурса. (Отечественные философы, комментировавшие эту работу, уже указывали на это стремление автора выйти на новый формат разговора в современной фило-софии⁷.)

Приведем фрагмент под названием «Долж-ная ясность» из работы «Corpus», где дается понимание мира – одного из самых фундамен-тальных концептов в мировой философии: «Мир есть рассвет тел: в этом весь его смысл, включая самый потаенный. Только этот смысл – это вер-ный смысл. Пока есть некое тело, есть рассвет и больше ничего – ни звезд, ни факелов. И всякий раз имеется, имеет место **собственный рассвет** какого-нибудь тела, этого конкретного тела в каком-то виде. Так, тело страдающее обладает своей долей ясности, равной любой другой, при-том вполне отчетливой. Граница боли дает уси-ленную очевидность, когда, отнюдь не становясь «объектом», страдающее тело со всей непрелож-ностью выказывает себя как «субъект». Тот, кто избивает тело, набрасываясь на очевидность, не может или не хочет знать, что с каждым ударом он делает этот «субъект» – это **hoc** – еще более явным, бесспорно явным» (с. 76). Показатель-на приписка в конце этого фрагмента данная в скобках: «Так писать и мыслить: только для того, чтобы воздать должное рассвету **Конец/цель философии**» (с. 77).

Какое самое первое впечатление от этого текста? Такое ощущение, что читаешь не фило-софский трактат, а фрагмент какой-то поэмы современного поэта, желающего быть именно современным поэтом. Во Франции Мишель Деги так и написал в своей статье об этой книге: это «поэма». Сам Ж.-Л. Нанси признал верным такое определение, «если „поэма“ обозначает по мень-шей мере некоторый разрыв, или приостановку, означивание и проявление... определенного тела...» (с. 219). От понятия «поэма» логично пе-рейти к понятию «поэзис». Перед нами не логос философа, а его поэзис. Логос – это сообща-ющая речь, делающая свой предмет очевидным и доступным другому. Логос способен обладать структурной формой синтеза, т. е. способен показывать нечто как нечто. Поэзис означает «делание», «появление». Логос концептуален и отвечает на вопрос «что», поэзис дескриптивен и отвечает на вопрос «как». Логос – нозматичен, являет собой результат мышления, поэзис пред-ставляет собой активность речи, способ речево-го производства, дискурс.

В работе «Corpus» предпринята попытка формирования некоего нового языка выска-зывания, поэтому концептуальный ряд в этой работе стоит на втором плане. Примечательна полемика с Валерием Подорога, изложенная в том же издании работы «Corpus». Подорога понял «Corpus» как новую концептуальную дис-позицию – логос, а не как новый язык высказы-вания – поэзис. В то время как сам Ж.-Л. Нанси стремился написать текст, плохо поддающийся операции означивания (с. 218).

Для автора данной работы представля-ется очевидным, что, в данном случае, нам представлен опыт создания новой феноме-нологии – феноменологии в расширенном значении и толковании. Поэтому в этом тек-сте автор не следует тому же Гуссерлю или Мерло-Понти, хотя предметно, тематически данная работа все же с их проблематикой свя-зана. Иное дело, повторяем, что все упомина-ния Мерло-Понти и других мыслителей идут факультативно, как маргиналии. Ж.-Л. Нанси представляет тему телесности в первичном изложении. Наверное, поэтому при чтении этой работы возникает двойственное ощу-щение: красота письма при весьма туманном изложении своей позиции. Эту туманность изложения ни в коем случае нельзя отождест-влять с неясностью мысли самого автора, с непониманием автора затрагиваемой про-блематики. Все обстоит иначе. Дело не в том, что у Ж.-Л. Нанси изложение мысли туманно, а в том, что в данном случае изложение мысли ясным быть не может. Для автора «Corpus'a» очевидно, что философская позиция не может излагаться как математическая теорема. Если для Гуссерля принципиальным было стрем-ление к строгости и ясности понятий, то для Ж.-Л. Нанси важны не понятия, а концепты, а последним, в отличие от понятий, принци-пально невозможно дать законченных опреде-лений. Поэтому туманность изложения для са-мого Ж.-Л. Нанси принципиальна, ибо, по его мнению, после философского прорыва Жака Деррида невозможно писать философию в стилистике строгой науки.

Ж.-Л. Нанси пишет: «Следует продолжать говорить о том, что уже невозможно сказать» (с. 89). Можно ли рассматривать это высказы-вание как оппозицию знаменитому высказыва-нию Людвиг Витгенштейна «О чем невозможно говорить, о том следует молчать»⁸? Можно, но с определенным уточнением. Напомним, что Витгенштейн важнейшее значение придает раз-личию сказанного и предьявленного. В первой части своего трактата Витгенштейн говорит, что предложение репрезентирует положение дел в

мире, т. е. фактов и одновременно предъясвляет логическую структуру. Математическое предложение это делает лучше всего, но любое другое предложение это тоже делает, так как функция предложения – предъясвлять положение дел. Поэтому не нужно говорить «истина – в том, что пять – простое число», достаточно сказать, что «пять – простое число» так как слово «истина» относится к форме предложения.

Иное дело, что в сфере показанного (предъясвленного) находятся не только логические структуры, о которых можно говорить с научной точки зрения, но и то, что не может быть сказано в рамках научного дискурса: это – сфера невыразимого и немислимого с позиций науки. Это – область мистического, внутреннего, она невыразима в логосе, но тем не менее показывает себя. Людвиг Витгенштейн ратовал не за то, чтобы ограничить наше мышление, а за то, чтобы провести границу выражения мысли. Философия, по его мнению, должна определить немислимое изнутри через мислимое. А мислимо то, что поддается высказыванию, что может быть высказано ясно. Петербургский профессор В. И. Медведев в своем комментарии к этому высказыванию Витгенштейна верно указывает, что выбор языка для мислящего субъекта – это выбор определенной логической формы мышления, а эта логическая форма не существует помимо своей реализации в языке, всегда присутствуя в нем⁹.

Применимо к нашему сюжету можно сказать, что Ж.-Л. Нанси выбрал путь преодоления сциентизма в философском дискурсе. Он стал производить новые формы выражения мысли, новый язык для разговора на феноменологическую тематику. Однако он не оспорил и не стремился оспаривать классическую феноменологическую тематику, а создал новый дискурс (способ изложения) и, тем самым, обозначил **новый гносеологический разрыв**.

Протицируем Андрея Ашкерова: «Предшественники Нанси писали о машиноподобных телах (Декарт), телах эксплуатируемых (Маркс), трагических (Кьеркегор), обладающих волей к власти (Ницше), о телах без органов (Арто), о вожделяющих и агонизирующих (Батай), наконец, о телах, подвергаемых дисциплинарным репрессиям (Фуко) или олицетворяющих опыт социальной принадлежности (Бурдьё). Однако в конечном счете речь шла совсем не о Теле, но, соответственно, о месторасположении души в живом организме, о классовом угнетении, существовании, страдании, трансгрессии, надзирающей и карающей власти или о распределении ресурсов общества. Все эти темы стали фигурами прежнего философского дискурса,

которому Нанси противопоставляет дискурс телесности»¹⁰.

Итак, и до него говорили на тему телесности, но у Ж.-Л. Нанси очевидна попытка размышления на эту тему в сфере иного дискурса. Ж.-Л. Нанси следует по пути Жака Деррида, а последний, преодолевая скептицизм Хайдеггера о перспективах преодоления метафизики, предпринял попытку выстроить философский дискурс неметафизическим образом. Что можно противопоставить метафизике? Поэзис. Отсюда литературность изложения и в работах Деррида и в работах его последователя – Нанси. Перед нами автор, осознавший себя в постметафизической эпохе. Метафизика строго концептуальна и поэтому строится как система понятий, а в работе «Corpus» автор стремится построить смыслы иным образом – не как производство означаемого. Тело у Ж.-Л. Нанси – не означаемое. Точно так же не является означаемым Бог и бытие у Ж. Деррида. Поэтому появляется туманность изложения, но это ни в коей мере не туманность мысли. Это – опыт новой мысли, а новое мышление требует новой дискурсивности, нового способа изложения, наконец, новой субъективности.

Такие случаи гносеологических разрывов уже были в истории европейской философии. Луи Альтюссер еще в 1965 г. указал: «Марксизм не является некоей (новой) **философией практики**, он является некоей (новой) **философской практикой**»¹¹ (выделено мной. – С. В.). По мнению Альтюссера, Марксом было предложено не новое философское учение, а новая **философская практика**. Ввиду этого представляется возможным уверенно сказать, что Маркс не оспорил гегелевскую проблематику, а создал новый язык, задал тот самый гносеологический разрыв, введя новые категории в философии, сказав, что сейчас надо говорить через такие неологизмы, как «производительные силы» и «производственные отношения».

Та же ситуация и с работой «Corpus». Что значит мыслить телом? Мыслить телом, значит практиковать (что-то). Это – вопрос о способах производства, но никак не вопрос о свободе воли¹². Саратовский философ Дмитрий Михель хорошо заметил: «...современная культура Запада предполагает одним из принципов своего существования принцип „раскрепощения“ тела. Следовательно, тело – последний (пока), предельный аргумент Запада»¹³. Вопрос о раскрепощении – это и вопрос о расширении пространства ясности, это вопрос о производстве ясности за счет привнесения рефлексии туда, где ее традиционно нет. Но именно этим и занимается как современная философия, так и современная

менная литература. Здесь обнаруживается точка схода этих двух дисциплин, и работа Ж.-Л. Нанси «Corpus» в этом плане является образцом философии как литературы.

Валерий Подорога уже заметил как-то, что современная философия как особая практика задавания вопросов претерпевает радикальные и невиданные прежде изменения¹⁴. Границы между философией и литературой, указывает он, размываются. С одной стороны, философия становится частью потока литературной практики письма, а с другой – сама литература выходит за границы жанрово-предметной области. Так продуцируется новый философский опыт, и на границе этого опыта появляется новый фигурант мысли. Валерий Подорога называет его идеологом, т. е. следующим за логикой идей. Для Валерия Подороги идея – это не истина, это регулятивный принцип (пережитого) опыта, неважно какого – экзистенциального, научного, эстетического или паранормального. Идея – вот что проблематизирует материал мысли, требует его обновляющей концептуализации. С этим можно согласиться, но с определенным уточнением. Философ всегда связан с мировоззренческим полем, но из этого нельзя делать вывод, что он всегда связан с конкретной идеологией, находящейся в поле конкуренции различных идей и программ сторонников данной идеологии. К примеру, философ может быть связан с либеральным мировоззрением и отстаивать его, как это делала Ханна Арендт, но он не должен участвовать во «внутрипартийной» полемике сторонников либерализма. Участвуя в этой полемике, он становится политическим идеологом и теряет свою философскую идентичность. Философу достаточно отстаивать базисные принципы в полемике с философом, представляющим другое (не либеральное) мировоззрение. Для той же Ханны Арендт как философа, но не как политического идеолога, оппонентом являлся Ален Бадью, представляющий уже совсем иное, нелиберальное мировоззрение.

Высказывание Валерия Подороги о материале, требующем концептуализации, имеет смысл дополнить еще одним замечанием. Современную философию роднит с литературой не концептуальное единство, а общее поле исследования. Выше уже было сказано, что «Corpus» – это не демонстрация логоса, а выработка поэзиса. Это не демонстрация идеи в ее концептуально законченном виде, а предъявление новой практики проговаривания того, что раньше не проговаривалось. Это – опыт новой речи, а не новая идея.

Развивая мысль о новом опыте и идеологе как человеке идеи, можно сказать, что философ анализирует тот опыт, где формируется новая субъективность. Субъективность можно понимать как самосознание и как автономию от социального окружения, от давления социального контекста, от господствующей идеологии. Автору данной статьи представляется, что у самого Ж.-Л. Нанси речь идет о формировании какой-то иной субъективности. Вероятно, о субъективности психоаналитического рода – субъективности как производства желаний.

Формирование новой субъективности невозможно без рефлексии этого опыта. Эту рефлексии опыта по формированию новой субъективности осуществляет равно и философия, и литература. И философия, и литература привносят рефлексии в ту сферу жизни, где ее раньше не было; и философия и литература проговаривают и тем самым привносят язык в те ситуации и отношения, которые раньше не осмыслялись. Это и жизненные ситуации нерелексирующих индивидов (носителей обыденного сознания), и те новые опыты, что ранее не проговаривались. Такое проговаривание предполагает привнесение языка сознания туда, где его нет.

Для Жан-Люка Нанси тело (corpus) тем и отличается от плоти, что содержит потенциал будущей субъективности. Это субъективность и призван осмыслять философ, используя именно язык философии, а не науки, если он хочет показать нам то, о чем пока нельзя (научно) говорить.

Примечания

¹ Операция, очевидно, прошла удачно, и можно сказать, что Ж.-Л. Нанси находится в достаточно хорошей форме, так как только нашу страну за последние годы он посетил дважды – в 2008 и 2010 гг.

² См. об этом: Петровская Е. В. Вторжение и гостеприимство: (Ж.-Л. Нанси и Ж. Деррида) // Филос. науки. 2011. № 3. С. 108.

³ В 1999 г. работа Ж.-Л. Нанси «Corpus» вышла на русском языке в переводе Е. Петровской и Е. Гальцевой в издательстве Ad Marginem. Все цитаты Ж.-Л. Нанси даны по этому изданию.

⁴ В 2001–2002 гг. в Саратовском государственном университете годовой семинар был посвящен философии телесности Жан-Люка Нанси. См. об этом: Михель Д. В. Ж.-Л. Нанси в мире corpus'a // Вестн. Самар. гуманит. акад. Сер.: Философия. Филология. 2006. № 1 (4). С. 77–87.

⁵ Подорога В. Политика философии: новые вызовы // Вестн. аналитики: журн. аналит. материалов. 2011. № 3 (45). С. 132.

⁶ Михель Д. В. Указ. соч. С. 77–78.

⁷ А. Ю. Ашкерова в одной из первых отечественных

В. Е. Семенков

работ по философии Нанси указал, что «сквозной мотив многих текстов Нанси – самоопределение философии через раскрытие ее пределов» (Ашкеров А. Ю. Ж.-Л. Нанси как антрополог современности // Человек. 2000. № 5. С. 179). С. М. Малкина полагает, что «концептуальное поле философии Нанси... можно было бы обозначить как сюррационализм – попытка быть по ту сторону разделения на эмпиризм и трансцендентализм» (Малкина С. М. Ж.-Л. Нанси: бытие в свете деконструкции // Парадигма: очерки философии и теории культуры / под ред. М. С. Уварова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. Вып. 6. С. 274.

⁸ «О чем невозможно говорить, о том следует молчать», – этой знаменитой фразой Людвиг Витгенштейн закончил свой «Логико-философский трактат». См.: Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. 1. С. 73.

⁹ Медведев В. И. Витгенштейн и трансцендентализм: стоит ли говорить о том, о чем говорить нельзя? // Credo new. 2010. № 4. С. 5.

¹⁰ Ашкеров А. Ю. Указ. соч. С. 180.

¹¹ Альтюссер Л. Ленин и философия. М.: Ад Маргинэм, 2005. С. 76.

¹² Поэтому автор данной работы не может согласиться с С. Малкиной, считающей, что в работе «Corpus» Нанси ставит вопрос о свободе воли. («Для Нанси, как и для Хайдеггера вопрос о свободе воли является одним из основных – фундаментальным. Он является фундаментальным ввиду того, что сама свобода является фундаментальной...») (Малкина С. М. Онтология смысла Ж.-Л. Нанси // Res cogitans: теорет. альм. Саратов: Научная кн., 2005. № 1. С. 118)).

¹³ Михель Д. В. Указ. соч. С. 78.

¹⁴ Философия и литература: проблемы взаимных отношений: материалы «круглого стола» // Вопр. философии: интернет-версия журн. 2009. № 9. С. 56–96. URL: <http://vrphil.ru> (дата размещения: 12.10.2009; дата обращения: 19.03.2013).